

**ВИКТОР
КОЖЕМЯКО**

**НАША
РЕВОЛЮЦИЯ**

ВЕК ОКТЯБРЯ

Виктор Стефанович Кожемяко

Наша революция. Век Октября

Серия «Революция и мы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55232337

Наша революция. Век Октября / В.С. Кожемяко: Алгоритм; Москва;

2017

ISBN 978-5-906979-40-7

Аннотация

Виктор Стефанович Кожемяко – советский и российский журналист, обозреватель газеты «Правда» с 1963 года, писатель и публицист.

В книге, которую он предлагает вниманию читателей, основной темой является Октябрьская революция 1917 года, события и лица этой эпохи, но главное, влияние Октября на судьбы России и мира. «Время, в которое мы живем, стало временем отмены великих октябрьских завоеваний, – пишет автор. – Тем не менее, свет Великого Октября еще не погас. Он будет (непреренно будет!) обозначать человечеству верный путь в будущее, дабы жестоким капиталистическим самоистреблением не закончилась вообще вся жизнь на прекрасной и хрупкой нашей планете. Постоянные размышления обо всем этом продиктовали необходимость подготовить эту книгу, которая, надеюсь, вызовет актуальный отклик у моих современников».

Содержание

Введение	5
Ленин, большевики и революция	14
Большевики спасли Россию	14
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Кожемяко

Наша революция.

Век Октября

© Кожемяко В.С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

Книгу, которую вы раскрыли, я назвал «Наша революция. Век Октября». Почему? Прочитавший книгу поймет. Но мне сразу же хочется высказать следующее. Так же могут (и должны бы!) отозваться о нашей Октябрьской революции очень и очень многие во всем мире.

Да-да! А как же? Например, рабочие на буржуазном Западе получили от капиталистов право на восьмичасовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, а затем и другие социальные уступки только под воздействием пролетарской революции в России.

Забыто это? Конечно же, буржуазные правители делают все для того, чтобы народ забыл. Но исторический факт остается фактом. Как и освобождение десятков стран под влиянием Великого Октября от колониального или полуколониального гнета.

Сколько же людей труда на Западе и Востоке имеют все основания сказать об Октябре: «Наша революция!» В этом и есть ее всемирное значение, что пророчески предсказывал когда-то Владимир Ильич Ленин. Однако к нам, россиянам, исторические события 1917 года, естественно, ближе всего. Здесь трудовой народ под руководством партии большевиков, а не «группа экстремистов», как пытаются ныне представить, бился за новую свою, справедливую жизнь и строил

ее. И сама жизнь в дореволюционной России побуждала народ к этому!

За последние почти три десятилетия мы стали свидетелями яростных и изощренных усилий, направленных властями предрержащими на искажение или просто-напросто уничтожение памяти Великого Октября. Сперва это ознаменовалось ельцинско-чубайсовской попыткой переименовать многолетний главный советский праздник в фарисейский «День согласия и примирения», а затем – отменой праздничного 7 ноября вообще. С иезуитской подстановкой иного праздника, тремя днями раньше. Таким образом, решили не только вычеркнуть из памяти народной великую историческую дату, но и столкнуть ее с другим, тоже великим событием отечественной истории.

Что ж, в указах, постановлениях и законах можно отменять все, вплоть до восхода и захода солнца. Однако из песни, как известно, слова не выкинешь. А в исторической песне России, означающей ее судьбу, это слово настолько велико и влиятельно, свет его во всем мире так ярок, праведен и благотворен, что росчерком пера с ним не справиться.

Конечно, к одному росчерку все далеко не свелось. Действует огромная пропагандистская машина, и если чего-то ей удалось добиться, то самое горькое, по-моему, – это нынешнее представление многими моими соотечественниками Великой Октябрьской социалистической революции как дела антипатриотического. Потому и противопоставляют Ми-

нина с Пожарским Ленину со Сталиным. Или, что еще коварнее, Сталина противопоставляют Ленину. И, лицемерно отмечая годовщины военного парада, состоявшегося на Красной площади 7 ноября 1941 года, умалчивают, какой же дате, какому событию он был посвящен. А на парадах в День Победы Мавзолей, к подножию которого были брошены в свое время поверженные фашистские знамена, старательно драпируют. Чтобы не резало глаз.

Но правда состоит в том, что именно с трибуны ленинского Мавзолея на параде, посвященном 24-й годовщине Великого Октября, обратил Сталин к воинам Красной армии и всему советскому народу исторические слова: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Вы понимаете? Минин, Пожарский и Ленин – вместе, в одном ряду! Так было, и в этом величайшая сущностная правда нашей советской истории, победоносная сила ее.

Позволю себе одно личное воспоминание. В детстве, которое совпало с началом войны (мне было около семи лет, когда я слышал по радио те сталинские слова), подсознательно очень хотелось объединить всех своих любимых героев в общих боях. И вот, фантазируя в мечтах о схватках с врагами, в которых, разумеется, сам я участвую, придумал

крепость и долговременную ее оборону, где мысленно собирал и дружинников Александра Невского, Дмитрия Донского, и ратников ополчения Минина и Пожарского, и гвардейцев Петра Первого, моряков Ушакова и Нахимова, суворовских чудо-богатырей. Были здесь также, сколь это ни покажется парадоксальным, вооруженные казаки и крестьяне под водительством Разина и Пугачева, скакали конники Салавата Юлаева... А крепость у меня называлась – Революция.

Совершенно четко помню, что я долго искал название и перебирал разные, но остановился все-таки на этом. Почему же? Почему именно оно стало в моем представлении наиболее обобщающим и позволило поставить рядом с дорогами моему детскому сердцу Чапаевым, Щорсом, Буденным и другими революционными героями не менее дорогих героев и полководцев совсем иных времен, весьма далеких, казалось бы, от времени Октябрьской революции?

Тогда это происходило подсознательно – задумался уже позднее, задним числом. И ответ приходил, например, тогда, когда в архиве ЦК ВЛКСМ, в записной книжке Зои Космодемьянской (предвоенной еще книжке!), я увидел вместе имена тех красных героев и строки лермонтовского «Бородино». Вместе они готовили к подвигу дух юной советской героини!

А соединяло их... Соединяло то, что и было в основе, в самом корне как нашей революции, так и характера народа нашего – понятие справедливости.

Пусть тогда, в детстве, я этого вполне еще не осознавал. Не важно. Я это чувствовал, что, пожалуй, не менее значимо. И такое чувство – чувство справедливости – мне было передано если не от рождения, то всем существом окружающей жизни и всеми книжками, которые я читал, начиная с наших русских народных сказок. Сказки, песни, былины, Пушкин и Гоголь, Некрасов и Толстой – все это было о том, что нельзя обижать слабого, нельзя обирать бедного, нельзя унижать и оскорблять человека, поскольку он – человек, а люди все равны. Это же стало сутью всей нашей жизни советской, строившейся после Великого Октября.

Дух справедливости. Она, справедливость, выше и дороже любых денег, любого богатства, выше всего на свете. И Советская Родина, за которую во время Великой Отечественной шли в бой наши солдаты, была воплощением справедливости. И Революция произошла во имя нее. Недаром же Александру Блоку, гениальному русскому поэту с обостренным чувством справедливости, увиделся во главе той внешне отталкивающей гольтыбы, что составляла революционный строй (или «сброд»?), «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос».

Прочтем у другого русского гения – композитора Георгия Свиридова: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому

– великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Виден ли этот свет сегодня, по прошествии столетия? Виден ли он не только позади, но и впереди?

Вопросы настолько важные, что, думается, и не может быть для нас ничего важнее.

О, какой мглой окутано за последние годы сознание многих и многих! В каком непроглядном, ядовитом, разъедающем очи болотном тумане приходится существовать! Вот и сдвинулся разум даже у тех, кто родился, учился, всю свою жизнь прожил при советской власти и кому вроде бы излишне разъяснять ее достоинства.

Впрочем, любопытно следующее. Нынче не редкость встретить странную логику: человек может и признать, что многое в советское время было значительно лучше, нежели сейчас, однако все это бесспорно лучшее никак не соединяется с Октябрьской революцией, которую тот же человек с чужих слов презрительно именуется переворотом и проклинает как самое злое антироссийское зло.

Но ведь советская власть не сама собой возникла. Она рождена Октябрьской революцией, и все блага, которые, пройдя через огромные преграды, страшные катаклизмы и мучительные испытания, в конце концов дала народу, есть великие блага Великого Октября.

Да, теперь внушают, что и благ никаких не было, потому

что не было, дескать, ста сортов колбасы, как в Швеции, или столько личных автомашин, как в Америке. И совсем не просто (пока еще не просто?) разъяснить многим простую истину, что было у нас зато нечто, гораздо большее.

Было больше справедливости.

Ну как донести это до сознания, всецело поглощенного только лимузинами и колбасой?

Октябрьскую революцию клянут за лозунг «Грабь награбленное!», которого, кстати, у нее не было. Но если даже и в такой анархической форме происходила где-то «экспроприация экспроприаторов», все равно хочется спросить: неужели это нравственно хуже, чем «Грабь заработанное!», что реализовали после своей так называемой августовской революции 1991 года пришедшие к власти в России?

Вот вернулись господа вместо товарищей. Хорошо? После Октября к господам в их роскошные и безразмерно большие хоромы подсадили людей труда из лачуг и подвалов. Нынче тех, кто оказался в нищете и не в силах платить за безумно подскочившее в цене жилье, вышвыривают из предоставленных советской властью квартир.

Говорят, по Конституции у всех нас есть все гражданские права. Но главного права – на жизнь – у многих, оказывается, нет. Настоящее право на жизнь только у того, кто, как минимум, может теперь оплатить и квартиру, и нормальное питание, и дорогую операцию, и лекарства, не доступные для большинства. А в советское время лекарства у нас были де-

шевле, чем в любой другой стране мира. И самыми дешевыми были все товары для детей – одежда, игрушки, книги, детское питание. Да и какие фильмы снимались для детей, какие были для них театры! Говорит это о чем-нибудь?

В народе всегда считалось безнравственным, аморальным, совершенно недопустимым положение, когда у одного человека было все, а у другого – ничего. И советская власть такого не допускала.

Теперь это – норма, и эксплуатация человека человеком, искоренить которую ставил как главную задачу Великий Октябрь, вновь стала нормой. А фантастические богатства кучки нынешних олигархов, ограбивших народ, и нищета миллионов – пока лишь вынужденный повод власти время от времени поговорить «о сокращении слишком большого разрыва в доходах», глухо замалчивая коренную несправедливость жизнеустройства, в которую страна отброшена после ликвидации достижений социалистической революции.

Постоянные размышления обо всем этом побуждают меня сегодня к моей журналистской работе. Они же продиктовали необходимость подготовить эту книгу, которая, надеюсь, вызовет актуальный отклик у моих современников.

Да, время, в которое мы живем, стало временем отмены великих октябрьских завоеваний. Кому-то это уже абсолютно ясно, а кто-то от понимания еще очень далек. Что ж, надо таким помогать, если только они категорически не затыкают себе глаза и уши.

Для моего поколения время жизни резко разделилось на-
двое – советская эпоха и постсоветский, антисоветский раз-
вал. Развал не только экономики, но, что еще важнее, кор-
невых наших духовных и нравственных ценностей. А это не
могло не отразиться на людях. Падение нравов в обществе,
снижение уровня жизни у большинства граждан России в
результате так называемой перестройки и катастрофических
«реформ», когда уничтожение советского образа жизни ста-
ло главной, первоочередной задачей пришедших к власти,
мне представляется погружением во тьму. Не верю, что это
будет продолжаться долго, а тем более всегда.

Свет Великого Октября еще не погас. Он будет (непре-
менно будет!) обозначать человечеству верный путь в буду-
щее, дабы жестоким капиталистическим самоистреблением
не закончилась вообще вся жизнь на прекрасной и хрупкой
нашей планете.

Ленин, большевики и революция

Большевики спасли Россию (интервью с В.Ю. Галиным, экономистом и историком)

Почти тридцать лет идет массированная антисоветская обработка сознания людей в нашей стране. А исходная задача при этом – изменение отношения к Октябрьской революции. Великая Октябрьская социалистическая, как называлась она у нас в советское время, теперь именуется «переворотом», «катастрофой», толкуется как якобы основная причина разного рода бед и несчастий, пережитых страной в последующие десятилетия.

Удастся ли буржуазной власти, которая пошла теперь уже на полную отмену праздничного дня в годовщину Великого Октября и норовит устроить похороны Ленина, окончательно вытравить из народной памяти подлинное значение эпохального исторического события?

Есть надежда, что не удастся. И одним из свидетельств этого стал для меня выход в свет большого двухтомного труда под общим названием «Тенденции».

Название, прямо скажем, для широкого читателя не са-

мое привлекательное. Однако у каждого тома – свой подзаголовок, и они, подзаголовки эти, уже куда горячее: том первый – «Война и революция», том второй – «Интервенция и Гражданская война». Самое же интересное – кто взялся сегодня за такое исследование и к каким выводам он приходит.

Да, именно в этом суть! Так вот, об авторе. По возрасту Василий Галин молод. По специальности он экономист. По партийной принадлежности – вне партий, то есть за историческое исследование взялся не для того, чтобы подтвердить или опровергнуть заранее сложившиеся идеологические взгляды. Наоборот, взгляд на 1917 год, который в конечном счете он называет «поворотным годом русской истории (и в определенной мере мировой)», равно как на предыдущие и последующие годы России, складывается у молодого ученого в ходе исследования. Его, в отсутствие заданной политической ангажированности, вполне можно назвать независимым.

Тем важнее в сегодняшних условиях выводы автора о времени, которое он для себя открывает.

– Василий Юрьевич, что побудило вас заняться этим трудом и что обратило именно к этому периоду истории нашей страны?

– Как экономист я исследую перспективы нашей экономики. А будущее не понять без истории. Октябрьская рево-

люция – ключевое событие минувшего века, и обойти его невозможно. После обработки накопленных мною материалов, систематизации их появились вот эти книги.

– Могли бы коротко сказать, что вы открыли для себя в результате исследования данного периода?

– Прежде всего – что русская революция была объективно закономерным явлением. И то, что победили большевики, было абсолютно закономерно.

– Между тем большевиков во главе с Лениным изображают нынче как некую злую для России силу. Вот, дескать, пришли – и все разрушили. А вы как воспринимаете их роль?

– Если бы не было большевиков, Россия как государство перестала бы существовать. Таковы были тенденции, которые развились в нашей стране к тому времени. Большевики, придя к власти в основном на интернационалистских лозунгах, стали очень быстро в определенном смысле националистами. А точнее – они действовали как настоящие патриоты. Ленин, выступая, уже говорил, что мы оборонцы и защищаем социалистическое Отечество, что нам нужна великая, могучая Русь. Большевики сохранили государство Российское и спасли русский народ.

– Спасли Россию... Для меня это бесспорно. Однако многим, уверен, покажется просто фразой. Причем непонятной – после той усиленной идеологической обработки, которой люди подвергались все последние годы. Поясните, пожалуйста, в чем же состояла спасительная для страны миссия боль-

ШЕВИКОВ.

– К 1917 году Россия пришла в разрухе. Мировая война привела к абсолютному истощению ресурсов государства. В моей работе это демонстрируется на конкретных графиках и экономических расчетах. Мобилизационная нагрузка на Россию в 4 раза превышала мобилизационную нагрузку Англии за все время ее участия в войне! Когда Германия в 1918 году достигла такого же мобилизационного уровня, там тоже вспыхнула революция.

В России сначала произошла, как известно, буржуазная революция. Произошла она потому, что царизм уже не справлялся с ситуацией в стране. Приведу такое высказывание: «Революция (Февральская) была неизбежна». Это слова не Ленина, а сделанного столь знаменитым нынче Деникина! Далее генерал вполне определенно поясняет, что «революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения».

Подобные оценки (опять-таки со стороны не большевиков, а их противников) можно продолжить. Философ Николай Бердяев: «К 1917 году в атмосфере неудачной войны все созрело для революции. Старый режим сгнил и не имел приличных защитников». Монархист Василий Шульгин: «Они – революционеры – не были готовы, но она – революция – была готова. Ибо революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти, состоит в ощущении властью

своего собственного бессилия».

– Что ж, пришло Временное правительство...

– Так вот, власть этого правительства, пришедшего на смену царскому, очень скоро проявила еще большее бессилие перед лицом накопившихся огромных проблем. Не решались важнейшие из них – проблемы земли, войны и мира, мобилизации распадавшейся экономики и укрепления государственности. Можно сказать: в результате буржуазной революции по всем линиям в стране стало не лучше, а еще хуже. И привели к этому ведь не большевики (их-то ни в одном составе буржуазного Временного правительства и близко не было!), а Гайдары и Чубайсы того времени.

– Проиллюстрируйте, пожалуйста, к чему вели и привели тогдашние Чубайсы.

– Основу Временного правительства составила партия конституционных демократов (кадеты), представлявшая интересы либеральной буржуазии. Их поддержали либеральные ветви меньшевиков и эсеров. Буржуазия как победитель требовала от своего правительства соответствующих «лавров»: необложения налогом военных прибылей, свободы эмиссии, неограниченного права приобретения недвижимости, облегчения порядка получения иностранной валюты. Временное правительство сразу же объявило об охране банковской и коммерческой тайн, отказалось от мобилизационной национализации ключевых отраслей промышленности, предпринимавшейся в какой-то степени даже царским

правительством, и пошло по пути укрепления фаворитизма. Это было сотрудничество правительственных группировок с буржуазными организациями, наделенными функциями учета и распределения продукции и сырья.

На требование социал-демократов о подчинении промышленности интересам государства либерал-демократы ответили, что новое правительство, подобно старому, принципиально «не приемлет» государственного регулирования промышленности «как меры слишком социалистической».

– Это нам знакомо. Как же, демократия, свобода!..

– Временное правительство последовательно снимало все «недемократические» ограничения рынка. Так, оно полностью прекратило предпринимавшиеся царским правительством попытки, направленные на ограничение спекуляции. Это привело к еще более резкому росту инфляции, которая удовлетворяла уже не столько интересы государства, ведущего войну, сколько спекулятивные требования буржуазии. Она стала интенсивно выводить деньги за границу, причем «бегство капиталов» служило для банков предметом валютных спекуляций.

– До чего же современно все это звучит!

– Горькая переключка. Буржуазия, как и сегодня, думала лишь о себе, о своих интересах, а не о стране. Конечно же, результаты не замедлили сказаться.

Вот один пример. Покупательная способность рубля, составлявшая накануне Февральской революции на внутрен-

нем рынке 27 копеек, понизилась к октябрю до 6–7 копеек. Количество бумажных денег, по сравнению с началом войны, увеличилось в 12 раз, причем темпы эмиссии за восемь месяцев при Временном правительстве оказались в 4 раза выше, чем при самодержавии. Денежная система России практически рассыпалась, и над страной нависла угроза финансового краха.

Деньги полностью обесценивались, страна переходила к натуральному товарообмену. Это произошло не при большевиках! Обещание Временного правительства облегчить для народа бремя налогов «более справедливым распределением их» не выполнялось. Повышение уровня налогообложения капиталистов всячески оттягивалось, а введение в действие принятых 12 июня 1917 года под угрозой народного выступления трех налоговых законов (о единовременном налоге на доходы, о повышении ставок обложения по подоходному налогу и налоге на сверхприбыль) под давлением буржуазных кругов было приостановлено. После этого население перестало платить налоги вообще.

– Один из показателей уничтожения государственности?

– Безусловно. Все шло именно в таком направлении. А власть будто этого и хотела. Французский посол в России уже вскоре после появления Временного правительства телеграфировал своему премьеру: «Беспорядок в военной промышленности и на транспорте не прекратился и даже усилился». Что творилось, скажем, на железнодорожном транспорте?

Уже в 1916 году паровозный парк уменьшился на 16 процентов, а парк товарных вагонов – на 14. Бессистемно использовавшиеся дороги не справлялись с перевозками. И вот в таких условиях министр путей сообщения Временного правительства Некрасов, по словам Деникина, решил ввести «на место старых лозунгов принуждения и страха (?) новые начала демократической организации» путем выборности и т. п. во всех отраслях железнодорожного дела.

О последствиях этого решения 17 июля 1917 года докладывал начальник штаба Военных сообщений главного управления Генерального штаба: «Положение на железных дорогах признается отчаянным и ухудшающимся с каждым днем. Распад дисциплины так же, как и в армии, растет. Производительность рабочей силы резко упала... Многие из находящихся в работе паровозов работают уже через силу, и если не будут приняты меры к поднятию продуктивности работы (ремонта паровозов), положение грозит к зиме катастрофой». Ленин по этому же поводу писал в конце сентября 1917 года: «России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен невероятно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут».

И благодаря чему транспорт не встал? Сошлюсь опять не на кого-нибудь, а на воспоминания Деникина: «В 1919 году в “Правде” был опубликован приказ народного комиссара путей сообщения Красина, похоронивший окончательно некрасовские упражнения в области самоуправления: “ Суще-

ствующая система железнодорожного управления... привела транспорт к полному развалу... Всем завоеваниям революции грозит опасность уничтожения... На место коллегиального, а в действительности – безответственного управления вводятся принципы единоличного управления и повышенной ответственности. Все, от стрелочника до члена коллегии, должны точно и беспрекословно исполнять все мои предписания. Реформы приостановить и всюду, где только можно, восстановить старые должности и старый технический персонал в центральном управлении и на линиях”».

– Вон как поступили с «реформами»!

– Пришлось. Как видим, необходимость этого понимали даже такие враги Октября, как Деникин. Иначе – гибель страны. Так начинали тогда действовать меры «военного коммунизма» – меры вынужденные и абсолютно необходимые. Во имя спасения разваливавшейся России.

Словом, Октябрь был не столько разрушением, в чем постоянно обвиняют большевиков, сколько, наоборот, противостоял разрушению. Безудержному разрушению Февраля. Буржуазная революция очень быстро обанкротилась, фактически подорвав остатки государственности, и тогда на смену пришли большевики.

– Чтобы остановить нараставший хаос. И как собиратели распавшегося государства...

– Я бы сказал, как последний рубеж самозащиты общества. Он неизбежно должен был стать радикальным. Больше-

вики сумели мобилизовать власть и экономику страны. Ни царское, ни Временное правительства не смогли этого сделать, что отмечали и Черчилль, и американский президент Вильсон, и английский премьер Ллойд Джордж...

– Вы сами признали, что экономика в России уже носила к тому времени мобилизационный характер.

– Но не до той степени, которая была необходима. А большевики обеспечили поистине спасительную мобилизацию власти и мобилизацию экономики. Только поэтому Россия и сохранилась как единая страна.

Сейчас на большевиков валят все, обвиняя их в бессмысленной жестокости, всяческих преступлениях и т. п. Если, например, говорят о продразверстке, то это значит – хотели погубить крестьянство. Но молчат о том, что принудительная продразверстка была впервые введена еще царским правительством в 1916 году. А прибегнуть к ней пришлось вследствие продовольственного кризиса, причина которого крылась в разрушении рыночных механизмов во время войны. Председатель Думы М. Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со все-российской голодовкой».

Однако осуществить продразверстку царское правительство не смогло, что в значительной степени и стало причиной его падения. В начале февраля 1917-го тот же Родзянко подает Николаю II записку, где говорится «о полном крахе

разверстки». Подвоз продуктов в Петроград за январь составил лишь половину от минимальной потребности. На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Именно недостаток и невиданная дороговизна продовольствия стали причиной массовых забастовок и демонстраций, начавшихся в Петрограде 23 февраля.

– Это продолжилось и при Временном правительстве?

– Еще более усугубилось! Буржуазная власть абсолютно не справилась с жизненно насущной задачей. Перед Октябрем министр продовольствия С. Прокопович на заседании правительства категорически заявил, что снабжать он может только 6 миллионов человек, тогда как на довольствии находятся 12 миллионов.

Сравнивавший продовольственную политику царского, Временного и советского правительств профессор Калифорнийского университета Ларе Ли заключает: «Только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения...»

Конечно, это далось невероятным напряжением сил и множеством страданий. Однако вопрос стоял так: что вызовет большие по масштабу страдания – применение чрезвычайных мер или отказ от них?

– В общем, вы считаете, что меры были жесткие, но жизненно необходимые?

– Убежден в этом. Радикальность складывавшейся ситуации требовала радикальности принимаемых мобилизацион-

ных мер, которые были реализованы в политике «военного коммунизма». Его принципы включали в себя распределение продовольственных и промышленных товаров по карточкам – по фиксированным низким ценам или бесплатно. Вводится всеобщая трудовая повинность, а в некоторых отраслях (например, на транспорте) – военное положение, так что все работники считаются мобилизованными. Все трудоспособные и неработающие от 16 до 55 лет обязаны были встать на учет в отделениях распределения рабочей силы и были обязаны работать там, где им прикажут.

Эта обязанность провозглашалась в январе 1918 года «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а позже была включена и в Конституцию РСФСР 1918 года. К концу этого года стало обычным делом объявлять о призыве рабочих и специалистов различных отраслей на государственную службу, как это делалось с набором в Красную армию.

– Мобилизационную нагрузку несли ведь и другие воевавшие страны.

– Да, но ни одна – такой величины, как Россия. Тяжесть мобилизационной политики «военного коммунизма» обуславливалась не только текущей обстановкой, но и разрухой, доставшейся в наследство большевикам. То есть они были вынуждены «платить проценты» за неспособность нести бремя власти всеми прежними правительствами России. К тому же вскоре после Октября начались интервенция и

Гражданская война, совсем уж бросившие страну за грань выживания.

– Обратимся теперь к Гражданской войне. Есть точка зрения, для многих сейчас бесспорная, что Белое движение было направлено на спасение России под лозунгом «За единую и неделимую!», а большевики хотели Россию разрушить и уничтожить, поскольку им были чужды национальные интересы. Так ли было на самом деле?

– Традиционное понимание Гражданской войны – это то, что воевали белые и красные. На самом деле в Гражданской войне принимали участие четыре стороны: красные, белые, интервенты и четвертая сторона – русский бунт. Каждая из этих сил преследовала свою цель. Так, иностранные интервенты, пришедшие в Россию, по сути, воевали не за белых. В конечном счете воевали они за сугубо свои цели. Черчилль назвал белую армию «нашими наемниками».

– Есть такое высказывание?

– У него в воспоминаниях это есть. Он пишет буквально так: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело». Четко сказано! Ну и как после этого насчет патриотизма белогвардейцев, которым нынче принято умиляться? Очень значимой силой в Гражданской войне был русский бунт. Крестьяне, во всяком случае многие, после распада государства не хотели вообще никакой власти.

Полностью отвыкли за время безвластия керенщины.

– Мы начали говорить, Василий Юрьевич, о Белом движении.

– Кадровые офицеры составили основу Белого движения. У них были все-таки сильные монархические корни. Кстати, как и в Германии: после революции 1918 года многие офицеры вермахта сохраняли верность Вильгельму II.

– Но разве можно сказать, что Белое движение (после Февральской-то революции!) было монархическим? Разве были Деникин или Колчак монархистами?

– Нет. Я не про это. Почему многие кадровые офицеры выступили против большевиков? Они по долгу, так сказать, были за продолжение войны с Германией. А большевики выступили за мир. Это было первое принципиальное разногласие.

– А была ли у Белого движения какая-то идеология?

– Общей идеологии не было. Ни у Деникина, ни у Колчака мы этого не найдем. Был лозунг «За единую и неделимую Россию без большевиков!». Дальше этого их идеология не шла. Если Деникин хоть как-то разбирался в политических партиях, то про Колчака и этого не скажешь. Он говорил: сначала победим большевиков, а уж потом разберемся. Брежжила весьма туманная идея после победы созвать Учредительное собрание и выбрать туда представителей «из здоровых сил общества». А кто эти «здоровые силы» – Колчак не расшифровывал.

Кстати, после прихода Колчака к власти часть депутатов ранее избранного Учредительного собрания, в разгоне которого обвиняют большевиков, была выслана за границу, а другая часть арестована. И в конце концов они были расстреляны в Омске. По приказу того же Колчака.

– Большевиков обвиняют в развязывании Гражданской войны и, соответственно, во всех ее жертвах. Каков ваш вывод на сей счет?

– Это принципиальный вопрос, поскольку отсюда произрастают многие обвинения. Но большевики не виноваты в Гражданской войне! Она была объективным следствием тех тенденций, которые складывались, и она была неизбежна в той ситуации. Слишком разные интересы у разных слоев общества, слишком радикализировано общество, причем вооруженное, разъяренное долгой войной, слишком было разрушено государство.

Если уж говорить, кто привел к Гражданской войне, то можно сказать так: либеральная буржуазная Февральская революция. Ничего не оставалось, как поставить на пути учиненной ею разрухи жесткий централизованный режим. Деникин, Колчак, Черчилль, американский посол в России Фрэнсис – да многие тогда говорили об этом: Россию от окончательного уничтожения может спасти только диктатура. Вопрос был лишь в том, чья она будет.

– В общем, недаром Колчака прочили в диктаторы?

– Белые пытались установить диктатуру. До Колчака пре-

тендовал на эту роль Корнилов, затем фактически и Деникин, потом после всех Врангель. Но никто из них удержаться не смог. Потому что диктатура держится не столько на штыках, сколько на тех идеях, которые они защищают, эти штыки.

Большевики пришли с новыми идеями. И эти идеи отражали чувства, настроения и чаяния большинства общества. Они давали перспективу развития его! Поэтому диктатура большевиков удержалась не столько штыками, сколько идеями. Штыки воевали за эти идеи, что признано и многими противниками большевиков.

Вот как, например, писал Н. Бердяев: «России грозила полная анархия, анархический распад... Он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться».

– Больше, чем лозунги. За лозунгами следовали те или иные дела. Недавно, просматривая подшивку «Правды» за 1919 год, я прочитал заметку: «Колчак призывает крестьян вернуть помещикам принадлежавшие им земли». Наверное, это не могло вдохновить крестьян на помощь Колчаку.

– Естественно. Был указ Колчака о земельной политике. И там было сказано, что земля должна быть возвращена прежним владельцам. Можно сказать, крестьяне сами свергли Колчака. Ведь нередко бывало, что сперва, как в известной песне, партизанские отряды занимали города, а потом уже Красная армия.

– Большевиков обвиняют в насилии, говорят о красном терроре.

– Без определенного насилия нередко в тех условиях сделать ничего было невозможно. В условиях Гражданской войны к террору прибегали и белые, и красные, и интервенты, и крестьянский бунт. Совершенная ложь – обвинять в этом только красных, только большевиков. Или главным образом их.

Вот характерное признание бывшего меньшевистского деятеля А. Мартынова: «Когда власть в стране завоевал пролетариат, все силы ада на него обрушились, и тогда для спасения революции террор стал неизбежен. Но не было ли излишеств в применении террора со стороны обороняющейся советской власти? Да, наверное, были, хотя неизмеримо меньше, чем со стороны наступающей контрреволюции, и бесконечно меньше, чем у нас было бы, если бы эта контрреволюция победила...»

Должна была прийти партия, которая хочет и может создать. Только большевики смогли на основе своей идеологии укрепить диктатуру, которая позволила сохранить государство, сохранить страну и приступить к решению созидательных задач.

– Вскользь вы уже коснулись интервенции. Но давайте поговорим о ней подробнее. Ведь во всех пропагандистских разговорах трубадуров нынешней власти, посвященных Октябрьской революции и Гражданской войне, об интервенции

молчат, как будто ее и не было. Разумеется, не случайно: слишком серьезная тень на те силы, которые противостояли большевикам и которые теперь всячески пытаются подретушировать, приукрасить, облагородить. Разве не так?

– Согласен. Надо сразу и однозначно сказать: Белое движение просто физически не могло бы возникнуть без сильной поддержки извне. Если материальное обеспечение Красной армии шло за свой счет, то белые полностью, на сто процентов, снабжались Англией, Францией и Америкой.

– Есть данные?

– Есть, и они приведены в моих книгах.

– Что конкретно?

– Допустим, количество винтовок, орудий, танков, самолетов. Все абсолютно поставлялось из-за рубежа. Частично поставлялись и продовольственные ресурсы.

Скажем, войска, которые были на Севере, целиком обеспечивали продовольствием и снаряжением англичане и французы. Они составили и основу белой армии там, на Севере. Высадилось 25 тысяч иностранных войск, а еще мобилизовали 25 тысяч местного населения.

– Значит, половина действовавших здесь сил – иностранцы?

– Да. В книге у меня приведены также данные, что деникинское движение начало расти только после того, как началось массированное финансирование его теми же англичанами и французами.

Если сказать о Колчаке, то основу его сибирской армии составлял чехословацкий корпус – 57 тысяч человек. Этот корпус появился здесь еще до того, как прибыл Колчак, и он явился центром, концентрирующим армию Колчака. Чехословацкие войска были включены в состав союзнических войск Антанты, подчинялись ее командованию. Есть сведения, что за участие чехов в Гражданской войне в России им были обещаны определенные дивиденды. Снабжены и вооружены чехи были тоже англичанами, французами и американцами.

– Известно, что Колчак официально поступил на службу в английскую армию. Когда это произошло?

– В начале 1918 года. Он находился тогда за пределами России. Потом англичане направили его для организации сибирской армии. Сам он называл себя кондотьером, то есть наемником, носил английский мундир и, как ни странно, находился под охраной английских войск даже в своем собственном правительстве.

– Вспоминается частушка времен Гражданской войны, которая нынче (тоже намеренно, конечно!) забыта: «Мундир английский, Погон французский, Табак японский, Правитель омский».

– Так и было! Воевали на иностранные деньги, иностранным оружием, пули тоже были иностранные – русских пуль там практически не было. Интервенция и Гражданская война со стороны белых полностью шли за счет Антанты.

– А какие все-таки цели при этом были у государств, вмешавшихся в российские дела?

– Во всяком случае, отнюдь не «единая и неделимая». Сильная Россия вообще никак не могла быть в их интересах. Тут совсем другое! Возникла возможность захватить куски разваливающейся страны, ее природные богатства, куски огромного русского рынка. Уже в начале 1918 года европейская часть России была поделена между Англией и Францией на зоны влияния.

– Где они занимались этим дележом?

– На военном совете Антанты в Париже. Спешили использовать момент! У каждой из этих стран были свой интерес, своя задача. Главная задача Англии как великой морской державы – блокирование выхода России в открытое море. Ведь 90 процентов российского экспорта шло морским транспортом. Поэтому надо было создать цепь государств, которые отрезали бы Россию от Северного, Балтийского и Черного морей. Была даже идея создать самостоятельную республику Коми, которую возглавлял бы английский офицер.

Французы, финансируя белую армию, требовали в будущем возвращения всех царских долгов. Причем вместе с процентами плюс проценты на проценты. Но далеко не только это! Поскольку считалось, что Россия будет безнадежно ослаблена, Франция стремилась создать альтернативу с востока своему извечному противнику – Германии. Отсю-

да план сделать великую Польшу и Малую Антанту, которая включала бы Румынию, Югославию и другие балканские страны.

– Словом, у каждой из вторгшихся в Россию держав действительно был свой интерес, но о благе России они, конечно, не думали.

– Ни в коей мере! Наоборот. Вот Америка. Она, казалось бы, далеко. Однако в США апологеты интервенции призывали к свержению власти большевиков как носителей чуждой идеологии. А сквозь это явственно проглядывало стремление не упустить свое место в конкуренции за рынки. То есть если бы Россия рухнула, ее рынок был бы поделен между Англией, Францией, Германией и Японией. Как же американцам-то остаться в стороне?

– Понятно. У них зона интересов всегда там, где есть возможность что-нибудь урвать, будь это Россия или Ирак...

– В «восстановлении конституционного строя» в России приняло участие более десятка иностранных государств.

Деникин вспоминал, что «при главном командовании Юга были аккредитованы представители следующих стран: Англии, Бельгии, Болгарии, Греции, Италии, Польши, Румынии, Сербии, США, Франции и Японии». Можно добавить сюда австралийские и финские войска, входившие в состав интервенционистских сил на Севере.

При этом, замечу, интервенты предпочитали брать плату за «помощь во имя высоких идеалов» сразу и без церемо-

ний. Вывозили все, что могли! Попросту грабили. Так, за девять месяцев пребывания в Баку англичане вывезли 450 тысяч тонн марганца, 500 тысяч тонн нефти и т. д. Французы вывезли через Крым около 60 тысяч тонн зерна, 13 тысяч тонн соли, 5 тысяч тонн льна, табака и шерсти. Эвакуируясь из Одессы, французы захватили 120 находившихся там торговых судов с различным имуществом и товарами – эти суда составляли девять десятых всего торгового флота на Черном море!

– Да, щедро брали, ничего не скажешь...

– Ущерб, причиненный Дальнему Востоку, был еще значительнее. Львиная доля вывоза – лес, рыба, вагоны, речные и морские суда – шла в Японию. На Уссурийской железной дороге подвижной состав был сокращен этим грабежом более чем вдвое.

Север России дал британцам льна, пеньки, смолы, марганцевой руды и т. д. на сумму 2 миллиона фунтов стерлингов, американцам – примерно на 800 тысяч фунтов, французам – на 600 тысяч. Ущерб, нанесенный интервенцией только одной Архангельской области, составил более 1 миллиарда золотых рублей.

– А можно ли как-то выразить весь ущерб, который был причинен нашей стране интервенцией?

– Ущерб примерно подсчитан. Он был заявлен советской делегацией на конференции в Генуе в 1922 году. Там была заявлена сумма в 50 миллиардов золотых рублей, что состав-

ляло треть национального богатства России.

Это только материальный ущерб, но есть еще и потеря человеческих жизней. Россия за Гражданскую войну потеряла людей больше, чем за Первую мировую.

– Какую цифру вы считаете правильной?

– Есть несколько точек зрения. Я считаю, правильная цифра прямых потерь – 8 миллионов. А демографические потери составляют 16 миллионов человек, то есть это число тех, которые должны были родиться, но не родились.

– Можно ли все это целиком и полностью относить на счет большевиков, как делается сегодня?

– Такое обвинение базируется на том, что большевики виноваты в Гражданской войне. Но они не виноваты, об этом я уже сказал.

Белые обвиняли большевиков, что они предатели, торгуют Родиной. Но сами-то прямо состояли на содержании западных держав! А интервенты, вместе с которыми и при поддержке которых действовали белые, стремились к расчленению России.

Послушайте, что впоследствии писал о своих «союзниках» бывший член Северного белогвардейского правительства В. Игнатъев: «В их задачу входило не усиление России, не объединение ее, а расчленение». Другой член этого правительства – генерал В. Марушевский – заключал: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его оккупацией». Председатель русского комитета внешней

торговли при Северном правительстве П. Калинин в конце концов охарактеризовал происходившее как «колониальное завоевание».

Так кто же реально боролся за освобождение Родины, за единую и неделимую Россию? Конечно, большевики.

– Из всего, о чем мы говорили с вами, следует: Россия действительно была на грани полной катастрофы, но не Октябрь тому виной. Наоборот, Октябрь и последующие действия большевиков предотвратили уничтожение страны. Подытожим, Василий Юрьевич: чем же все-таки была Великая Октябрьская социалистическая революция?

– Она была таким же закономерным результатом развития человеческого общества, как Французская революция или Английская буржуазная революция. Французы, кстати, в свое время обсуждали, чем же их революция была – преступлением или подвигом. Но в конце концов в 1870 году они приняли «Марсельезу» как государственный гимн и утвердили революцию как праздник. Хотелось бы и у нас торжества такого же здравомыслия.

– Причем хорошо бы поскорее! Вот сделали государственным праздником 4 ноября, демонстративно противопоставив этот день 7 ноября. Конечно, освобождение Москвы от интервентов в XVII веке было великим событием. Но ведь не менее, а гораздо более спасительным для Отечества стал Великий Октябрь.

– По-моему, даже из фактов, прозвучавших в нашем раз-

говоре, это очевидно. Причем Великая Октябрьская революция – это был колоссальный вклад не только в развитие нашей страны, достигшей в последующие годы невиданных высот. Это был и огромный вклад России в мировую историю, в мировое развитие человечества. И он не менее, а более ценен, чем Великая французская, или английская, или американская революции.

– А можете коротко сказать – почему?

– Ну, отмечу хотя бы одно обстоятельство. Буржуазные революции, свершившиеся в Англии и во Франции, дали право на существование новой движущей силе. Это была буржуазная, либеральная сила. Точно так же социалистическая революция в России привела к признанию права на существование силы социалистической. Капиталисты во многом вынуждены были пойти навстречу справедливым требованиям трудящихся, и были признаны социалистические партии наравне с либеральными. Если до Первой мировой войны социализм воспринимался в основном как бунт, то теперь, когда он утвердился в России, когда показал, что может сделать, на что реально способен, взгляд на социализм существенно изменился. Особенно это стало очевидным после Второй мировой войны, когда Советский Союз победил в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.